

НАТАША АЙВЕРС

A movie poster featuring a man with long, wavy, light brown hair and a serious expression in the background. In the foreground, a woman with long, dark hair and a gentle smile has a small white flower tucked behind her ear. The background is a dark, teal-toned night scene with a castle silhouette and glowing lights. The title is written in a large, stylized, light blue font at the bottom.

Моя
ВЕДЬМОЧКА

Наташа Айверс

Моя ведьмочка

<https://litres.ru/73974336>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стефания — потомок древнего ведьминского рода. Но она предпочитает об этом не вспоминать. Гримуары — сожжены. Силы — запечатаны. Магия? Не её путь.

До тех пор, пока не приходит приглашение из загадочной Академии ГРОЙС.

Там всё иначе. Новая жизнь. Новые правила. Новые друзья. Один из них — внимательный, сильный, надёжный Кажется, Стефания влюбляется.

Но в той же академии появляется и её заклятый враг. Марсель Верис. Высокомерный гад из прошлой школы, раздражающий до невозможности.

А тем временем за городом просыпается нечто древнее. Твари, которых ведьмы когда-то подчинили себе, вырываются на волю. И тьма готова поглотить всё живое.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	55
Глава 10	64
Глава 11	75
Г	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наташа Айверс

Моя ведьмочка

Пролог

Стефания

Всё произошло слишком быстро.

Они выскочили из тени — искажённые, полупрозрачные, с глазами, в которых плескалась первобытная пустота. Твари. Те самые, о которых рассказывал профессор Эльвар Нис. Помню, как он уверенно вещал с кафедры: «Теневые существа нестабильны. Но они не могут прорваться за пределы защитного барьера. Барьер выдержит.»

Ха. Выдержит.

Паника вспыхнула в груди — острая, как игла. Холодный ужас. Где-то в голове промелькнуло: «Похоже, нас ждёт та же участь, что и Нико»

Нико Его имя до сих пор не вычеркнули из списка группы. Будто мы всё ещё надеемся, что он жив.

Я обернулась — позади стоял Марсель, раскладывая лестницу, чтобы забраться на крышу сторожки. Да-да, тот самый. Заносчивый, язвительный, бесконечно раздражающий. Но... погибнуть я ему не дам.

Ладони вспыхнули жаром. В груди стянуло судорогой —

как будто меня швырнуло в ледяную воду. Кто-то закричал — возможно, Марсель.

— Назад! — донеслось до меня. Но магию уже было не остановить.

Она вырвалась не волной — взрывом. Чистая, ослепительная, ярко-золотая.

Сила прошла пространство, пронзила ближайших ко мне тварей и расплескалась вокруг, как раскалённый вихрь. Твари завyli. Одна рухнула, как подкошенная, вторая метнулась прочь, третья — растаяла с треском, будто её никогда и не было.

Я пошатнулась.

Ощущение такое, будто изнутри всё выжгло до последней капли. Магия прошла огнём по жилам, оставив за собой только пустоту и звон в ушах. Земля под ногами поплыла. Воздух стал вязким, а лёгкие будто забыли, как работать.

— Не сейчас — прошептала я, падая, ощущая, что тело просто не слушается.

Но удара не последовало. Меня поймали. Тёплые руки. Надёжные. Удивительно аккуратные.

А затем всё исчезло — в обволакивающей, мягкой темноте.

Глава 1

Стефания

Если кто-то всерьёз думает, что ведьмы в XXI веке просыпаются под бульканье котлов, кошачьи вопли и запах палёных лягушек — пусть и дальше читает сказки для малышей. Современная ведьма открывает глаза от пронзительного визга будильника на смартфоне, запаха свежемолотого кофе, доносящегося из кухни, и мамин панический вопль сквозь закрытую дверь:

— Стефания! Ты мои ключи не видела?!

— Нет, мам! Попроси бабушку, она найдёт! — кричу я в ответ хриплым, сонным голосом и на автомате шарю рукой по кровати, выживая телефон из-под подушки. Бормочу себе под нос, нажимая на мессенджер. — В конце концов, Ба этим на жизнь зарабатывает

У меня с утра — обязательный ритуал: проверка новостей и свежих сплетен. Сегодня наш школьный чат активизировался аж с шести утра. Да что на них нашло?! Сроду никто не писал так рано, а тут больше двадцати сообщений! Похоже, у моих одноклассников массовое сумасшествие. Первая фотка — селфи бледного, как привидение, Серёги на фоне ещё тёмного двора. Подпись: «5:20! Погнали!» Вторая — Никита, который раньше вставал только к концу последнего урока, теперь зачем-то торчит в спортзале с капюшоном на го-

лове, будто он какая-то знаменитость, скрывающаяся от paparazzi, и корчит морду, будто грозный боец: «Зал открыли для меня раньше!»

Я сижу на краю кровати и чувствую, как глаза медленно выкатываются на лоб:

— Бред что за массовая спорт-эпидемия? — фыркаю я и хватаюсь за джинсы, пытаюсь натянуть их одной рукой, не выпуская из рук телефон.

Чат пестрит фотками завтраков и счастливыми физиономиями одноклассниц, которые наперебой расхваливают свои кулинарные шедевры: пудинг, панкейки, омлетики — всё аккуратно уложено, присыпано ягодами и полито мёдом, будто фото-меню какого-нибудь известного фитнес-блогера.

Я как раз пытаюсь просунуть ногу во вторую штанину, балансируя на одной ноге, когда натыкаюсь на фотку с сияющим смайлом и хэштегами #мойзавтрак #фитобейб, которую в общий чат прислала Милана: аккуратная пиала с мюсли, сверху — клубника с черникой и какие-то модные семечки.

От неожиданности я вздрагиваю, промахиваюсь ногой мимо штанины и чуть не лечу носом прямо в пол. Еле успеваю вцепиться в тумбочку — только это и спасает от падения.

— Ещё не хватало с разбитым носом в школу прийти, — бурчу я и быстро строчу Милане в личку:

«Эй, Милка, ты с каких это пор ешь мюсли вместо мамии-

ных вафель? Ты же клялась — #вафлифорева»

Для непосвящённых: мама Миланы держит маленькую пекарню в нашем районе. Там такие завтраки — ммм Я зову их «пальчики-оближешь». Самые вкусные во всём городе! Запах такой стоит — невозможно мимо пройти. Вафли тёти Лены хрустящие, горячие, с карамельным сиропом или расплавленным шоколадом. Иногда — солёные: с беконом, с сыром, с курицей и хрустящим луком. Воскресное утро с Милкой — это кофе латте, три огромных вафли каждой, посиделки у окна кофейни и философские разговоры о том, как прекрасна жизнь, когда утро начинается с вафель.

Милка-то, счастливица, может эти вафли трескать хоть каждый день — в любой момент ткнула пальцем в любую на витрине — и мама приготовит ей самый свежий завтрак. Так чего вдруг — мюсли?!

Мои мечтания о вафлях резко обрывает новое сообщение. На экране всплывает фото. Мила, сияющая как утреннее солнце, сидит за столом пекарни, а рядом — блондин в обтягивающей спортивное тело футболке, подчёркивающей каждую мышцу, будто он спортсмен-чемпион с обложки журнала.

Только это же фотошоп! Она прилепила голову какого-то красавца-блондина — на тело мачо и облепила всё это безобразие сердечками, свадебными кольцами и подписями «M+M=».

— Ох ты ж ведьмин кот — шепчу я, не зная, плакать мне

или смеяться. Но не успела придумать ответ — телефон уже гудит видеозвонком. Милана.

— Стеф, ты что, правда подумала, что я эту бурду буду хлебать на завтрак?! — ржёт она в камеру, кусая огромную пышную булочку так, что сахарная пудра летит на экран.

На заднем плане — её мама, тётя Лена, в розовом фартуке с надписью «Королева вафель», выносит из кухни поднос с пирогами, от которых у меня слюнки текут.

— Привет, тётя Лена! — машу ей в камеру.

— Привет, Стефочка! — тётя Лена машет в ответ, а затем переводит взгляд на пиалу и на Милану и вопросительно поднимает бровь.

— Милана! — говорит она угрожающе тихо, глядя на дочку так, что даже мне через экран становится не по себе. — Кто вчера тут трещал: «Мама, сделай мне мюсли, а то я на твоей выпечке скоро сама на булочку буду похожа»? Вот я и сделала. Сначала ты полчаса носилась с едой, пока фотографию не сделала. Сделала? Сделала. Красиво? Красиво! А теперь ешь давай! Чего сидишь над тарелкой с кислой миной?

Милка хлопает глазками, облизывая слипшиеся от сахарной пудры пальцы:

— Маам, ну я же девочкам фотку обещала, — Милана обиженно надувает губы, как будто этим кого-то обманет. — У нас новенький из столицы, весь такой спортивный, подтянутый Ну надо же как-то держать марку! Вот мы и решили все вместе на здоровый образ жизни перейти.

— Здоровый образ жизни, ага! — фыркает тётя Лена, упирая руки в бока. — А есть-то это кто будет, а?

— Мааам, ну ты сама глянь, — тяжело вздыхает Милка. — Твои булочки сегодня прям космос. Я нечаянно две — ну ладно, три — уже съела. Ну куда мне ещё мюсли? Я ж лопну! Тётя Лена обречённо мотает головой.

— Кто мюсли хочет?! — кричит она куда-то за кадр. Как по команде Милану с двух сторон облепляют два младших брата. С серьёзным видом изучают содержимое пиалы, а после, синхронно скривившись, хором орут:

— Не-не! Мы пирожки с вареньем хотим! — и убегают обратно.

Так и не найдя жертву для своего кулинарного шедевра, тётя Лена с глухим вздохом ставит тарелку прямо перед мужем — тот сидит у окна, полностью погружённый в свой телефон. Он, не глядя, тыкает в мюсли вилкой, вероятно, рассчитывая на ароматные вафли, кладет её в рот и замирает, не сразу понимая, куда внезапно делась еда. Зависает на пару секунд с вилкой в руке, переводит взгляд с прибора на пиалу, молча откладывает вилку, берёт ложку и, зачерпнув уже как положено, кивает, не отрываясь от экрана:

— Ох и вкусный супчик, Ленусь. Спасибо тебе, — говорит он так искренне, что тётя Лена только фыркает и уходит обратно на кухню к пирогам.

Я сгибаюсь пополам от смеха.

— Миланка, кажется, ты отца на ЗОЖ посадила!

— Да ну тебя! — ржёт Милка. — Ладно, Стеф, давай сегодня в школу пораньше. Ты ж с Марселем ещё не знакома, а он — ну прям вау, такой няшка. И физра сегодня — ставки уже делают, в чью команду тебя возьмут. Все хотят тебя и его. А если вас возьмут вместе — противникам вашим крышка!

— Ясно! — смеюсь я. — Бегу собираться. Увидимся!

Отключаюсь, швыряя телефон на кровать.

— Ну что, пора посмотреть, что ж там за парень-то такой, — бурчу я себе под нос, ныряя в шкаф и обдумывая, что надеть на встречу с этим Марселем. Нужно выбрать что-то нейтральное, но цепляющее. Такое, чтобы не казалось, будто я специально вырядилась, но и не выглядеть чучелом на фоне наших красоток из класса. Тьфу! Вот тоже — стала как Милка. Не на встречу с Марселем, а просто в школу! Обычный школьный день, обычная я. Так. Всё. Не выдумывай, Стефания.

Глава 2

Стефания

В конце концов я выбираю чёрную футболку с белым принтом и символом в виде глаза. Смотрится классно — подчёркивает талию и вроде бы даже делает меня взрослее. Ба говорит, что этот символ защищает от завистников и дурного взгляда. Она вообще обожает все эти магические штуки. Когда я была маленькой, я могла слушать её часами — про магию, волшебных зверей в лесах, про времена, когда люди летали не на самолётах, а на драконах.

Бабушка Луна — последняя в нашем роду, кто называет себя ведьмой вслух и с такой гордостью, что верят ей безоговорочно. Высокая, с прямой спиной, седыми волосами, собранными в пучок, и губами цвета спелой вишни — даже с утра пораньше. Её глубокий, бархатный голос — мой личный оберег с детства. Стоило ей начать петь — про лесных духов, про звёзды, про древние тайны, — я засыпала мгновенно. Все тревоги исчезали, будто кто-то аккуратно выметал их из моего сознания и уносил куда-то далеко-далеко вместе с плохими снами.

Ба не помнит толком своих родителей. Говорит, её мать была из древнего ведьминского рода. Они пережили гонения: магию запретили, школы закрыли, гримуары сожгли. Ведьмам под страхом смерти запретили ворожить. Её роди-

телей казнили за укрывательство ведьм. Ба вырастили родственники у которых были лишь крупицы магии. И моя мама уже родилась в мире, где от магии остались только страшилки и сказки, рассказываемые шёпотом, чтобы пугать непослушных детей. А потом запрет вроде как сняли — но что толку-то? Магия будто сама ушла вместе с драконами, что улетели за горизонт и унесли силы с собой.

Говорят, преследования ведьм начались потому, что группа ведьм решила усилить свои способности с помощью древнего ритуала — и всё пошло не так. Взрыв энергии расколол стихии, небо полыхнуло огнём, и драконы, которые ещё тогда жили рядом с людьми, падали с небес, обугленные и ослеплённые магическим штормом.

Ба рассказывала, что в древние времена драконы не просто летали где-то далеко — они сами были источником магии. Они делились ею с этим миром и с людьми: вплетали свою силу в ведьминские заклинания, помогали тем, кто был достоин, иногда даже одаривали их драконьей кровью и делились магией. Так и появились великие магические рода.

Но когда люди захотели ещё больше магии — вырвать её силой, без спроса, с помощью запрещённого ритуала — драконы отвернулись. Ба говорит, что они собрали остатки своей мощи, открыли портал и ушли в другой мир, унеся с собой всё, что наполняло землю магией.

Ба всегда замолкала на этом месте и только вздыхала:
— Люди сами всё испортили. Драконы дали людям силу

— чтобы быть ближе к природе, стихиям и друг к другу. А жадность всё сгубила.

Без магии люди повернулись к технологиям — Ба говорила, у них просто не было выхода, и за сто лет они настроили заводов, придумали машины и телефоны, построили целые города из стекла и бетона, научились летать без крыльев и разговаривать друг с другом с любого конца света. Но она всегда бурчала, что техника «фонит» и «мешает магии работать как надо». А мама при этом только фыркала: «Ничего не фонит — просто ты не умеешь пользоваться микроволновкой».

Когда Ба была маленькой, она умела зажечь свечу щелчком пальцев или поднять ложку в воздух. Сейчас всё, что у неё осталось, — это дар предсказания и удивительный талант находить потерянные вещи. Когда мне было семь, я спрятала свой дневник под подушку, уселась на неё, думая, что обхитрила бабушку, но Ба не только его отыскала, но и ещё рассказала, что я там понаписала. Она мне тогда торжественно объявила, что я совершенно точно не выйду замуж за Егора из соседнего подъезда и мы не заведём восемь собак и пятерых детей, потому что во втором классе я буду сидеть с Егором за одной партой и наблюдать, как он ковыряется в носу и кушает козявки. У меня потом весь вечер уши горели так, что можно было греть чай.

И да — во втором классе я наотрез отказалась сидеть рядом с Егором. Сказала учительнице, что якобы плохо вижу

и мне надо на первую парту. С тех пор так и повелось: я всегда выбираю место поближе к доске — пусть вызывают чаще других, зато всё слышу первой, замечаю первой. Может, поэтому я и привыкла не прятаться и не бояться, а быть всегда на виду.

Но я, конечно, не такая уж смелая. Только Милана знает, что Ба называет меня ведьмочкой. Никто больше. Милка никогда не смеялась надо мной, не подшучивала — просто принимала это как часть меня. Точно так же, как если бы у меня были веснушки или нос с горбинкой. И за это я люблю её даже больше, чем за воскресные вафли в пекарне её мамы.

А вот мама — полная противоположность моей бабули. Юркая, быстрая, у неё всё всегда под контролем. Кроме Ба, конечно. Если кто и может вырастить лимонное дерево на подоконнике в феврале — так это она. Мама с удовольствием возится с садом и своими зелёными питомцами. Многие говорят, что её травы и цветы удивительно быстро растут и цветут даже зимой — прямо настоящее «чудо». Но мама только фыркает и отвечает, что это никакое не волшебство, а умение и труд. И если кто и умеет одинаково сильно любить Ба и при этом каждый вечер ворчать на неё за ведьмовщину — это тоже мама.

— Мама! — шипела она бабушке, думая, что я не слышу. — Ну зачем ты забиваешь ей голову этими сказками? Магия не запрещена — ну и что? Её почти нет. Пусть живёт нормально, как все. Пусть сдаёт экзамены, идёт учиться, полу-

чает настоящую профессию. Ну зачем ей твои эти волшебные фокусы?

Когда я была младше, я сердилась на мамины слова. А сейчас я уже взрослая и понимаю — всё правильно. После школы я мечтаю поступить на ветеринара — лечить настоящих кошек и собак, а не искать драконов, которых всё равно уже не вернуть. Хотя Хмм. А существовали ли они вообще?

Я закидываю тетради и спортивную форму в рюкзак, проверяю карманы — телефон, ключи — всё на месте. Потом выхожу на кухню. Там пахнет кофе и какой-то травой, которую Ба подмешивает в тесто «для силы ведьм» — сама говорит, что без этих печенек её предсказания были бы «как дырявый зонтик — толку ноль».

Если мне повезёт, я успею стащить хотя бы одну, прежде чем мама опять начнёт ворчать, что Ба «разводит магию на кухне».

В кухню заходит бабушка. Вообще-то её всегда слышно задолго до того, как она появляется в дверях. Шелест шёлкового халата, побрякивание браслетов, резкий запах гвоздики. Или снова эти её самодельные духи, от которых папа сразу расчихался.

— Стефания, сегодня тебе нельзя идти в школу, — торжественно заявляет бабушка, вставая в дверях и обращаясь к нам ко всем. — Карты сказали: день поворотный в её судьбе. Лучше оставайся дома!

— Мам! — мама закрывает глаза в попытке справиться с

гневом. — Хватит пугать ребёнка своими предсказаниями. Она и так всю прошлую неделю просидела дома. И даже когда ей стало лучше, ты сказала, что идти в школу опасно!

— Магия не врёт! — обижается бабушка. — И заболела она не просто так! Это знак того, что ей нельзя было идти в школу. И сейчас карты говорят, что сегодня произойдёт событие, которое изменит ход её жизни. И не только её.

Я вскидываю брови. Заболела я, кстати, тоже совершенно по-дурацки — шапку сдуло ветром и унесло куда-то под забор, поэтому пришлось идти домой без неё. Буквально пять минут до подъезда — и привет, болезненное горло. Мама три дня отпаивала меня чаем, Ба пихала свои зелья и тёрла мне грудь каким-то странным настоем, а папа, мой дорогой папуля, приносил мне вкусняшки после смены и сиял, когда я наконец начала что-то есть и не хрипеть при каждом слове.

Вот и сейчас папа, всегда спокойный, железный полицейский, прервал спор мамы и бабушки одним простым вопросом:

— Ей грозит опасность? — спросил он, глядя Ба прямо в глаза.

Ба на секунду растерялась — что бывает редко. Потом всё-таки выдохнула и сдалась:

— Нет, её жизни ничто не угрожает.

Папа только кивнул, глядя на меня — мол, иди. А мне и не терпелось — ещё бы! Пока я тут кашляла и глотала зелья Ба, в школе появился новенький. Говорят, красавчик, но по

этой отфотошопленной фотке Милы ничего толком не разглядишь. Да и одноклассники ведут себя странно — что-то уж слишком изменили свои привычки. Нет, надо самой всё увидеть.

Я чмокнула всех по очереди — Ба в висок, она пахла свежими травами. Маму — в щёку, от неё шёл запах кофе и тёплой мяты, которую, видимо, она собирала сегодня утром в её любимом зимнем парнике. Папу — приобняла, а он погладил меня по голове, пожелав «Хорошего дня, котёнок» — и упорхнула в коридор, уже вытаскивая телефон. Школа зовёт.

Глава 3

Стефания

Зима в нашем городе подходит к концу — снежные узоры на окнах давно растаяли, а хруст под ногами сменился на мокрое хлюпанье в серой каше грязного снега, которая местами разливается в широкие лужи. Вот и сегодня — сплошная слякоть. Ветер норовит стащить с меня шапку и распутать шарф, а сверху ещё сыплет мокрый снег вперемежку с дождём. Снег липнет к ресницам, забивается за воротник. Я поглубже нахлобучиваю свою старую шапку — пусть страшенькая, зато тёплая — и крепче обматываю шарф, вцепившись в концы так, будто это последняя ниточка, за которую я держусь, чтобы не быть унесённой этим противным пронизывающим ветром.

Спасает только пуховик. Без этого надутого, неприглядного на вид кокона я бы уже совсем промокла насквозь и продрогла.

— Стеф! Подожди меня! — из-за поворота выныривает Милана — та самая верная подруга, с которой я каждое утро делю этот тротуар и свои мысли о будущем.

Она запрыгивает на бордюр, балансируя, будто канатоходец. Куртка на ней — розовая, с пушистым мехом на капюшоне, ботинки модные, чуть поблёскивают мокрыми носами. Шарф болтается развязанным, грудь нараспашку, а во-

лосы торчат во все стороны.

— Ты опять без шапки? — я прищуриваюсь на неё.

— Да ладно тебе! Это ж не моя шапка улетела и не я болела целую неделю. И вообще, я не болею — меня простуда не берёт! — фыркает Милка и тут же смеётся. — Ты-то как? Неужели Ба с твоей мамой наконец-то отпустили тебя в школу?

— Еле вырвалась, — усмехаюсь. — Отпаивали чаями и зельями.

— Зато выздоровела! — радостно констатирует Милка и тут же подхватывает меня под локоть. — А то я уже скучать начала без тебя.

Мы идём вдоль улицы, шлёпая по грязи. Солнце пробивается между серыми облаками, отблески играют на мокром асфальте.

— Ну, рассказывай. Что я пропустила за неделю?

— Оооо, ты многое пропустила, Стефочка! — говорит Милка заговорщицким шёпотом. — К нам приехал он.

— Кто он? — я поднимаю бровь, изображая полное недоумение.

— Очень смешно! Парень, о котором я тебе говорила! И фотку посылала. — Милка театрально закатывает глаза. — Перевёлся из столицы из супер-пупер престижной школы для золотой молодёжи. Говорят, у них там вообще полный бардак творился. То ли поджог был, то ли взрыв какой-то

— Взрыв? — я останавливаюсь на секунду. — Ну да. Ко-

нечно. Наверное, обычное дело — для городской школы.

— Ну не знаю, — пожимает плечами Милка. — Все шепчутся, что он там как-то к этому причастен, вот и выгнали. Точнее, перевели к нам, в глубинку. Но ты ж понимаешь — никто толком ничего не знает. Короче, теперь он у нас в классе. Зовут Марсель, а фамилия — Верис.

Она вдруг выуживает телефон из кармана и тычет мне чуть ли не в нос экран. На фото — парень, светловолосый, широкоплечий, в тёмной футболке, которая сидит так, будто её сшили специально для него. Лицо — с резкими чертами, а глаза Глаза слишком голубые и красивые.

— Ну? — Милка ловит мою реакцию.

— Хмм. — Я делаю вид, что разглядываю равнодушно, но внутри что-то всё равно ёкает. — С виду ничего так.

— «Ничего так»?! — возмущается Милка так, что мне приходится отодвинуть телефон подальше от носа. — Да он — огонь! Девчонки на него вешаются пачками. Даже наши спортсмены уважают, прикинь! Видела бы ты, какой он на физреЗверь просто! А какой у него пресс капец! А руки — она мечтательно закатывает глаза. — Одним словом — не парень, а мечта!

— Ну, главное, что не моя, — улыбаюсь я и натягиваю шарф повыше на подбородок. — Мне такого «зверя» ещё не хватало. Я люблю настоящих зверушек — четырёхлапых.

— Ну знаешь! Опять ты со своими котиками! — Милка закатывает глаза, а потом хитро улыбается. — Вот ты по-

смотришь — сама офигеешь. На некоторых девчонок он так действует, что они потом и двух слов связать не могут. Ты только не тушуйся! Будь собой. Ты ж у нас королева класса: любимица учителей, активистка, спасительница всех котиков и собачек.

— Я вообще-то ещё не ветеринар, — вздыхаю я и шмыгаю носом от холода. — ещё поступить и закончить университет надо.

— Скоро будешь! — подмигивает Милка и сжимает мой локоть. — Вот увидишь. Экзамены сдашь — и айда лечить всех хвостатых подряд.

Мы доходим до поворота к школе. Милка машет рукой кому-то вдалеке.

— Стеф — Она снова поворачивается ко мне и чуть сбавляет голос. — Ну ты только скажи, если он тебе и правда понравится. Мне он тоже нравится, но знаешь, дружбу из-за мальчика терять — ну такое. Мне ты важнее.

— Ой, глупая, — улыбаюсь я, приобнимая её за плечо. — Даже если он мне вдруг понравится — ты же знаешь, я своих не предаю. К тому же, некоторые коты поумнее некоторых парней будут.

Милка прыскает от смеха и фыркает мне в плечо.

И в этот момент я думаю — *а вдруг и правда? Вдруг мы подружимся?* И мне почему-то хочется в это верить.

На входе в школу мы машем дежурному охраннику, дяде Вите, смахиваем с сапог грязный снег и бегом ныряем в тёп-

лый коридор. Вешаем куртки в раздевалке, ботинки стучат по кафелю, а Милка, застёгивая свой рюкзак, заговорщицки шепчет:

— Готовься. Он всегда приходит первым. Уже, небось, полкласса прилипло к его столу. Ну ничего — прорвёмся! — шепчет Милка и многозначительно подмигивает мне через плечо.

Глава 4

Стефания

Наш класс — самый большой на третьем этаже. Из-за наполовину прикрытой двери в помещении ещё с лестницы слышны смех, визг девчонок, какие-то глухие «да ну, ты серьёзно?!» и многоголосое «Сфоткай! Сфоткай!». Я делаю глубокий вдох, поправляю волосы. Просто новый ученик. Обычное утро в школе.

Дверь распахивается, и нас встречает тёплый, чуть сырой воздух класса — запах дерева, влажной одежды, парфюма девчонок и дезодорантов мальчишек смешались воедино.

У одной из парт настоящее столпотворение. Я сразу замечаю Лёшку, нашего старосту, который обычно деловито бежит с журналом; Вику, мечтающую стать визажистом и уже сейчас рисующую стрелки всем подружкам на переменках; и Рому — тихого ботаника, который обычно сидит за своей партой, вечно уткнувшись в книжку, а сегодня почему-то весело стучит кулаком по плечу высокого парня и что-то рассказывает ему с таким азартом, что аж лицо покраснело. И ещё с десятков парней и девчонок — тех, кто обычно сидят с кислыми лицами по углам за своими партами. Сейчас же все они стоят, сгрудившись вокруг новенького, как фанаты на концерте. Все смотрят только на него.

— Вон он! — шипит мне Милка, расталкивая плечами

одноклассников. — Ну ты глянь!

И я смотрю. Парень стоит посреди этого живого кольца — высокий, спокойный. Рядом Рома что-то спрашивает, а Марсель смеётся в ответ и легко кладёт руку ему на плечо. На запястье поблёскивает браслет — не такой, какие обычно носят наши ребята. Станный. Словно старинный. Металл местами потемневший, будто старый серебряный ободок из бабушкиной шкатулки. Думаю, Ба бы понравился. Не парень — браслет. Она обожает такие старинные побрякушки и называет их артефактами.

Марсель что-то рассказывает — голос у него размеренный, с ленцой, слова катятся медленно, будто ему некуда спешить. Руки сложены на широкой груди. Волосы светятся под зимним солнцем, пробивающимся сквозь высокие окна. Чуть длинные, небрежно закрученные — но видно, что это не случайно.

Он вдруг поднимает одну руку и проводит ею по волосам — и я почему-то замираю. Просто стою, смотрю и почти забываю, что вокруг гудит класс, кто-то стучит ручкой по учебнику, а Милка дёргает меня за локоть, задавая один и тот же вопрос уже, наверное, в пятый раз.

Наконец вынырываю, как будто из воды, и поворачиваюсь к подруге, прислушиваясь к тому, что она говорит.

— Добро пожаловать в армию поклонниц, Стеф, — хихикает Милка мне прямо в ухо и легонько тычет локтём в бок.

Я отскакиваю, спохватившись:

— Фу ты, Милка. Просто задумалась о своём!

— Задумалась? — Милка прыскает со смеха. — ну-ну

Я хмыкаю и уже собираюсь свернуть к своему месту — подальше от этого странного парня, от которого идёт излучение, как от магнитного поля. Но не успеваю. Лёша, заговорщик и безумный импровизатор, вдруг выныривает из круга, хватая меня за руку:

— Стеф! Ну ты что? Стесняешься? Иди сюда! Ты же ещё не знакома с Марселем!

— Эй, Лёша! — я протестую, но он уже волочит меня к парте новенького. Милка за моей спиной радостно пискнула и почему-то даже не подумала прийти на выручку. Предательница.

Вынырнув из мысленного негодования, я вдруг понимаю, что стою прямо напротив Марселя. На пару секунд всё вокруг становится вязким, как мёд. Звуки расплываются, гул голосов тонет в странной тишине в моей голове.

Он смотрит прямо на меня. Я слышу, как сердце бьёт изнутри по ребрам — ещё чуть-чуть, и пробьёт дыру наружу.

— Стефания, это Марсель! — говорит Лёша весело, но я слышу его как-то приглушённо.

И в этот миг Марсель поворачивается ко мне всем корпусом, забирая всё моё внимание.

Он смотрит на меня так непринуждённо и спокойно, что мне хочется хоть что-то сделать: пошутить, улыбнуться или выдать какую-нибудь умную фразу. Но не получается. Слова

застревают в горле, а в голове — пусто.

Марсель, как взрослый, протягивает руку — сильная, сухая ладонь, узкие пальцы, мускулистое предплечье с чуть выступающими венами, коротко остриженные ногти.

— Марсель, — негромко говорит он. Голос низкий, с хрипотцой, от которой у меня на мгновение перехватывает дыхание.

Я протягиваю свою. На секунду кажется, что пальцы мои ледяные, а у него — горячие. Когда наши ладони соприкасаются — мир вздрагивает. Ток пробегает от кончиков пальцев до самой макушки. В голове образовывается какая-то странная лёгкость, а в ней — искорки. Золотые, живые, они будто растекаются по всему телу и тянутся к его пальцам. Всё вокруг замирает. Шум класса — глохнет. Голоса — исчезают, будто кто-то выключил звук. Только наши ладони. Только это странное жжение в груди и грохот пульса в висках. Я пытаюсь вдохнуть, не отводя глаз от его лица. Ближе вижу светлые ресницы, крошечный шрам над левой бровью. Блестящие волосы, и эти глаза — голубые, но в самой глубине что-то движется. Как будто там тоже пляшут крошечные искры.

Я думаю про себя: «Вот это оно и есть? Ну да, ещё скажите — любовь с первого взгляда»

Хочется рассмеяться — но я не могу.

— Ну — кто-то за нашей спиной кашляет. Лёша, кажется.
— Марсель, а эта наша

Мир на секунду замирает. Марсель всё ещё держит мою руку. Но взгляд его вдруг холодеет. Он выдёргивает свою ладонь из моей так резко, что я едва не падаю вперёд.

— ведьма! — шипит Марсель с таким презрением, что мне кажется — это не слово, а плевок в лицо.

Мои пальцы остаются висеть в воздухе. Грудь обжигает изнутри, ладонь всё ещё горит — но теперь от холода. Слышно, как кто-то в классе резко выдыхает. Лёша дёргается, Милка за моей спиной цепенеет. Все вокруг снова начинают шуметь, но голоса сливаются в сплошной гул — потому что я слышу только одно: как в груди глухо и медленно стучит одно единственное слово, которым он будто ударил: «Ведьма, ведьма, ведьма»

Глава 5

Марсель

Не, ну Ромка — парень неплохой. Но слушать третий раз за две недели одну и ту же байку — удовольствие сомнительное. Я её уже почти наизусть знаю: где он запнётся, где глаза блеснут, где начнёт руками махать и кулаком меня по плечу лупить. Но слушаю. Обижать его не хочется. Зачем? Парень толковый. Голова светлая, книги глотает быстрее, чем я мамины оладушки. С ним можно хоть про древние языки, хоть про артефакты потрепаться — всегда что-то интересное расскажет, что я не знал. Причём это не пустой трёп «где-то слышал» — у него всё с датами, ссылками, именами. В голове у Ромки всё, как в архиве, по полочкам разложено. За это я его уважаю. Не боится казаться странным, не косит под кого-то, понты ему чужды. Таких сейчас мало.

Но вот привычка у него одна есть: стоит к нам хоть одной девушке подойти — всё, поехали. Рассказывает одну и ту же байку слово в слово, как заведённый. Когда услышал её во второй раз, подумал: ну, нервничает, стесняется парень, паузу заполняет — с кем не бывает.

А сегодня — третий раз! Стою, слушаю и вдруг вспоминаю: пару дней назад в библиотеке Ромка сунул мне под нос какую-то старую статью. Психология. Профессор какой-то, фамилии уже не вспомню. Суть простая: если человек сме-

ётся над твоей любимой шуткой, значит, вы похожи. Один юмор — один взгляд на мир. Значит, совпадаете. Я тогда ещё хмыкнул — мол, а что, можно так девчонок фильтровать. А он, оказывается, запомнил и всерьёз решил этим заняться. Стоит тут, талдычит свою историю раз за разом — и смотрит: кто из девчонок засмеётся, кто дослушает до конца, а кто отмахнётся. Своеобразный тест на совместимость. Когда до меня дошло, не выдержал и засмеялся в голос. Ну правда — смешно же. Думал, он просто странный ботаник, а он хитрец, девушку себе выбирает.

И вот я стою тут с ним, смотрю вокруг — и это место всё равно не моё. Здесь всё какое-то другое. Простое. После столицы с её бешеным ритмом сначала это бесило. Потом вроде привык. А теперь — скука. Не хватает моего спортивного клуба, дополнительных занятий по матклубу и той забегаловки на углу школы, где мы после тренировки зависали с пацанами.

А главное — за что мне это всё? Меня сюда закинули не потому, что я виноват. Виноват был один влюблённый идиот и по совместительству мой лучший друг Артём. Но досталось, конечно же, и мне в том числе. Якобы я должен был его остановить. Ну а как, скажите, я мог это сделать? Он же влюбился — ему крышу снесло. Захотел устроить своей «любимой» сюрприз.

А взрыв? Ну так сюрприз вышел из-под контроля. Случайность. Но мне влетело за то, что не только не остановил, а

ещё и помогал другу. Ну а как было остановить этого влюбленного идиота? Ведь любовь это как болезнь. Человек должен переболеть, и всё. Не знаю, переболел ли он ею или нет

Но, конечно же, виновата не та наглая и капризная мажорка, которая, бьюсь об заклад ведьминским зельем его на цепь посадила Виноват я. Друг. С которым теперь нельзя видеться — я, мол, «оказываю плохое влияние». А чтобы было совсем весело, ещё и браслет нацепили — артефакт-ограничитель. Чтобы я не мог использовать магию для других «сюрпризов». И где в мире справедливость?

Полгода ещё ходить с этим железом на руке. И в старую школу нельзя. Сначала я злился, что с парнями до конца года не увижусь. Ещё больше злило, что именно в эту дыру меня отправили. Секретарша спокойно выдала: школу выбрала ваша мама. Мама, за что? Я её, конечно, спрашивал. Но она так и не смогла нормально ответить — только глаза отвела, надавала мне кучу советов, как вести себя в новой школе, и запретила обижать одноклассников. Особенно девочек. Чувствовал себя первоклашкой, честное слово. Сразу понял: тут что-то нечисто. Мама у меня просто так ничего не делает.

Сначала даже заволновался, особенно когда вспомнил про её аспирантку с работой по дару предвидения. Подумал: вдруг это как-то связано с выбором школы?

Пошёл к отцу — вдруг хоть он что скажет. У него, как всегда, подход прагматичный. «А тебе есть разница, где доучиться этот год, если в старую школу вернуться нельзя?»

— спросил он. Пришлось честно ответить: «Нет». Вот и всё — на том и порешили.

Приехал. Первые несколько дней ходил настороженный — ждал, что вот-вот что-то рванёт. Мама звонила чуть ли не каждый день: спрашивала, как дела, не надо ли чего, подружились ли хоть с кем-то из местных. А потом вроде успокоилась, перестала меня проверять, как маленького. Ну и я расслабился. А что мне ещё оставалось?

Местные оказались неплохими ребятами — когда перестали доставать меня расспросами про столицу. Первые два дня этим жутко раздражали. Потом разговорились — понял: они ж как слепые котята. Ходят за мной и всё повторяют. Сначала было смешно: стоило сказать, что бегаю по утрам — так и они увязались. А потом задолбало. Чувствую себя тут, как в питомнике. Будто выставлен напоказ. Эта неделя обещала быть такой же, как и предыдущая — скучной и тоскливой.

Правда сегодня физкультура, хоть что-то стоящее. Физрук мне нравится: не жалеет, гоняет по полной.

И тут я чувствую взгляд. Прямо не просто волоски на шее дыбом встали — а кожа зачесалась так, что понятно сразу: кто-то уставился в упор. Оглядываюсь — ну конечно. Милена. Или Милана. Как её там.

Вспоминаю, как на прошлой неделе она подошла после физры.

— Марсель, — тянет моё имя, как соплю. — А ну-ка — и

лапа загребушая уже тянется к моей футболке. — дай кубики твои пощупать.

Тьфу ты. Вот же прилипала.

— Ты серьёзно? — я отстраняюсь. — Я тебе что — кот домашний, чтобы меня тискать?

Она только глупо хихикает. Я отвожу её руку, а она ещё и млеет, когда хватаю за запястье. Не люблю, когда ко мне вот так лезут. Эх, провинция. Ну что с них взять

Выныриваю из воспоминания и вижу, что Лёшка уже тащит к нашему кружку какую-то девушку. Эх, ну понятно — очередная одноклассница, которая хочет «познакомиться с новеньким».

Но в этот раз что-то не так. Воздух будто разом теплеет.

Я смотрю на неё. Невысокая, стройная, красивые тёмные волосы рассыпались по плечам. А взгляд шоколадных глаз такой, что у меня внутри что-то дрогнуло. Волна жара поднимается по спине, но я старательно делаю вид, что мне всё равно.

— Стефания, это Марсель! — весело объявляет Лёшка.

Стефания. Красивое имя. И сама красивая. А глаза такие, что у меня в голове шумит.

— Марсель, — представляюсь я, протягивая руку. Сам свой голос не узнал — хриплый какой-то. Я что, простыл?

Беру её холодную ладошку в руку, и что-то толкает в грудь. Знакомое чувство. Чужая магия. Она что, использует свою магию на мне?! Волна негодования накатывает — за-

чем? И тут до меня доходит.

Ведьма. Она — ведьма! Решила меня приворожить?! Ещё чего. У меня хоть и надет этот долбаный ограничитель собственной магии, но вмешательство чужой я всё равно почувствую, если прикоснусь. Ну уж нет. Не на того напала, ведьма!

— Ну? — кто-то за спиной кашляет. Лёшка, кажется. — Марсель, а эта наша

Я резко выдёргиваю ладонь из её руки и заканчиваю за него:

— ведьма!

Судя по их шокированным лицам, одноклассники не в курсе, какую змею пригрели на груди. Ну ничего. Теперь знают.

Глава 6

Марсель

Ведьма.

Я вижу, как это слово застало её врасплох. Щёки вспыхнули, глаза чуть расширились — на миг я подумал, что она сейчас сбежит.

Но она не сбежала. Стоит. Смотрит прямо на меня. И этот взгляд — не обиженный, не испуганный. В нём злость. Настоящая, испепеляющая.

Она медленно опускает руку. Я замечаю, что её пальцы дрожат. Она сжимает их в кулак так, что белеют костяшки. Глубокий вдох. И вдруг — голос. Чистый и ровный, чтобы все слышали.

— Да, ведьма, — отвечает она. Спокойно. Так спокойно, что меня будто током бьёт. — Ну и что?! Не знала, что это запрещено. На законодательном уровне так точно.

Она не отводит глаз и не опускает голову. Стоит передо мной — как равная. А я смотрел на неё и думал: «Вот же ведьма. Вот же нахалка.»

Одноклассники зависли. Лёшка вдруг закашлялся. Кажется, поперхнулся словами. Он у них тут миротворец, привык всё в шутку переводить. Ромка от удивления открыл рот, повернувшись ко мне, но быстро его закрыл. Видимо, выражение моего лица не располагало к диалогу.

Ведьму спас звонок, иначе бы я объяснил и ей, и её одноклассникам, что не так с ведьмами.

Слово «ведьма» в XXI веке сейчас звучит почти как «никто». Формально можно быть ведьмой — их больше не сжигают на кострах, не бросают в темницы. Но на деле все всё понимают. Зачем нужны те, кто может шепнуть не то слово в полночь — а у тебя вся жизнь пойдёт под откос? А уж про чары, приворотные зелья и прочую магию я вообще молчу. Их хлебом не корми — дай над людьми поиздеваться. Так что нет уж — пусть все знают, что она из этих жадных тварей, которые продают магию любому за звонкую монету. Хочешь влюбить в себя парня, у которого уже есть девушка? Легко. Хочешь подставить соседа, чтобы того уволили с работы? Да пожалуйста. Или подсыпать кому-нибудь зелье, чтоб послушным стал, как собачонка. Уж я-то знаю! Мой друг Артём хлебнул этой «магии» по полной.

Когда прозвенел звонок, ведьма гордо подняла подбородок — вот это меня и насмешило больше всего — и пошла к своей парте. Беги, ведьма, беги. Но от меня не спрячешься. Я тебя выведу на чистую воду.

Ученики вернулись на свои места, заскребли стульями по полу, загремели сумками, доставая планшеты. Гул класса накрыл нас, как мутная волна.

Этот шум сам собой затихает, стоит учителю зайти. Я прожигаю затылок ведьмы взглядом и чувствую, как местные косятся на меня. Кто с любопытством, кто с осуждением, а па-

рочка даже с одобрением. Чем она им-то не угодила?

Ну, парню с кучей веснушек на лице понятно — наверняка и его пыталась приворожить. А вот эта девица с надутыми губками — странно. Интересно, что она ей сделала?

Стефания сидит на первой парте — не у окна, не у двери, а чётко посередине. Чтобы быть на виду. Ну конечно. Гордячка.

Волосы у неё волной ложатся на спину. Я сам не заметил, как перестал слушать учителя и уставился на эти волосы. Чёрные, блестят на солнце. Интересно, какие они на ощупь? Мягкие, как шёлк? Или такие же обманчивые, как её улыбка? Выглядят красиво, а на деле жёсткие, как щетина?

Тьфу ты. Ну и мысли.

Я откинулся на стуле и скрестил руки на груди. Ромка пихнул меня локтем в бок — мол, слушай. Но тема урока мне была неинтересна — я предпочитал думать о своём.

И тут я заметил. Её рука взлетает вверх — тонкая, уверенная, чуть дрожит от напряжения. Минуты не проходит, и она опять тянет руку. И ещё раз.

— Ах ты выскочка — пробормотал я себе под нос.

Начал прислушиваться к тому, что обсуждают в классе. А-а-а, ну понятно. Ведьма охотится за вниманием. Хочет показать всем, что она «правильная»: прилежная, образцовая, безобидная. Ну уж нет — не в мою смену.

Учитель этики и основ права, Игорь Сергеевич, снова задаёт вопрос:

— Итак, кто может объяснить: почему Закон о частных ритуалах до сих пор не пересмотрен и почему тайное колдовство всё ещё приравнивается к мошенничеству?

Кто бы сомневался. Стефания тут как тут. Рука взлетает вверх, голос ровный, отвечает быстро, будто на экзамене. Говорит красиво — и про мораль, и про традиции, и про то, что «общество боится повторения прошлых ошибок». Игорь Сергеевич только кивает.

Я не хотел встречать. Честно. Но когда она подняла руку третий раз, меня переклинило.

— Разрешите добавить, — говорю я спокойно, откидываясь на спинку стула.

Учитель кивает, доволен. Я смотрю прямо на неё:

— Стефания не сказала самого главного: закон не пересмотрен, потому что под видом «частных ритуалов» ведьмы до сих пор толкают приворотные зелья и липовые амулеты. А приравнивали это к мошенничеству, потому что доказать вред сложно, а деньги берут настоящие. И ещё: слово «ритуал» в старых текстах означало совсем другое, чем сейчас.

Она резко оборачивается — взгляд острый, будто режет.

— Этого нет в учебнике, — огрызается она.

— Ну да. Для этого надо хоть что-то ещё читать помимо учебника. — Киваю и скалюсь, еле сдерживая ликование. Мне удалось задеть её.

Класс замирает. Игорь Сергеевич моргает — не знает, как нас разнять. Ромка хлопает меня по плечу: мол, хорош. Лёш-

ка шипит сбоку: «Вы чего?»

А мы с ней смотрим друг на друга так, что воздух звенит.

Один урок. Второй. Третий. К обеду уже даже учителя переглядываются: Что происходит?

Стефания поднимает руку — я поправляю или спорю. Иногда просто из принципа. Она отвечает, ровно и быстро. И так по кругу. С каждым разом слова становятся более колкими, улыбки — более натянутыми.

На перемене к нам с Ромкой подходит Лёша.

— Может, хватит? Марсель, ну ты чего? Ты же нормальный парень

А я слушаю его вполуха, потому что мимо проходит Стефания и задевает меня плечом так, что внутри всё будто вспыхивает. Кожу жжёт, ладони горят, а сердце бухает где-то в горле.

Она идёт дальше по коридору — гордо, будто ничего не произошло.

— Ещё увидимся, — бросаю ей в спину. Голос почему-то глухой, хриплый, будто не мой.

Она не оборачивается, но я кожей чувствую её злость и знаю: она слышала.

Я выдыхаю. Лёшка что-то говорит сбоку, Ромка хлопает меня по плечу. А я стою, смотрю ей вслед и чувствую, как внутри всё переворачивается. Меня наполняют злость, азарт и что-то ещё. Предвкушение?

Глава 7

Марсель

Вторая половина дня — физра. Я люблю спортзал. Здесь всё честно: кто сильнее, тот и прав.

Первые пять минут — обычная разминка: прыжки, махи руками, повороты, пробежка по залу. Я вроде бы слушаю учителя, но взгляд всё равно устремляется вправо, через весь зал. Она там. Стефания.

Форма самая обычная, но на ней сидит так, что невозможно оторвать глаз. Она что, специально так нарядилась? Или у них в семье денег нет? Потому что спортивные штаны и футболка явно малы на пару размеров.

В этих коротких шортиках её ноги кажутся ещё длиннее. Талия — узкая, тонкая. Я бы, наверное, ладонями мог обхватить и пальцы сомкнуть. Грудь сразу бросается в глаза, а то, как она двигается, когда наклоняется. Вот ведьма.

Чувствую, как жар прокатывается по позвоночнику. Сердце глухо бухает под рёбрами.

У-у-у ведьма. Опять свои чары включает, наверняка.

Она ловит мой взгляд и сразу отворачивается. Делает вид, что ей всё равно. Волосы поправляет, хвостик дёргает, наклоняется, шнурки зачем-то перевязывает уже в который раз.

Бойтся? И правильно делает.

Свисток. Нас делят на команды. Ну конечно — мы с ней в разных. Сейчас повеселимся.

Баскетбол. Отличный выбор. Сначала игра идёт ровно. Я играю без напряжения: веду мяч, отдаю пасы, блокирую двоих — легко.

А потом она выходит на площадку. Быстрая. В пылу игры я даже не сразу сообразил, что это она — разворот, два шага — и она уходит от Егора, мяч под ногой прокидывает.

Ну ни фига себе, ведьмочка. Девчонки обычно делают вид, что бегают, а эта реально рвётся вперёд. Не просто для галочки.

Первые минуты я сдерживаюсь. Она снова идёт на меня. Думает обведёт? Не выйдет.

Я закрываю проход, как положено: держу дистанцию, руки широко, ноги на полусогнутых. Шаг влево, шаг вправо. Она пробует в одну сторону, затем резко меняет направление, но я снова тут как тут.

Вижу глаза — злые. Она выдыхает так, что её дыхание щекочет плечо, заставляя волосы на руке встать дыбом.

— С дороги, Верис, — шипит она, дёргаясь вбок.

— И не мечтай, — отвечаю спокойно.

Корпусом я закрываю ей возможность для манёвра — не трогаю руками, просто удерживаю позицию. Баскетбол — не драка, тут всё по-честному.

Она резко бросает пас Миле. Милка рвётся к кольцу, но там наш здоровяк Гор ставит блок. Мяч возвращается обрат-

но к ведьме. Стефания тут же снова рвётся вперёд. Быстрая. Острые локти, резкий рывок вбок — и она впечатывается плечом прямо мне в грудь.

Меня будто током бьёт. От этого места по всему телу расходит волна жара, мурашки бегут по коже. Но меня так просто не возьмёшь.

Я резко разворачиваюсь, выбиваю мяч и начинаю вести его зигзагом, кидая на ходу:

— У тебя был шанс, ведьма.

Слышу, как она за моей спиной шипит Миле что-то вроде «Вот урод!» и мчится вслед вернуть мяч, но поздно. Пять - ноль в нашу пользу.

Разворачиваюсь и вижу перед собой стоящую впереди всех Милку. Зубы стиснула, глаза шурит, будто сейчас выскочит и вцепится мне в горло.

Милана — это вообще отдельная история. Стою под кольцом, жду пас. Она вдруг рвётся на перехват, хотя паса так и не было, и «случайно» наступает всем своим весом мне на ногу.

— Осторожнее, Милана, — шиплю сквозь зубы.

— Ой, извини, — нараспев отвечает она своим приторно-сладким девчачьим голоском, насквозь фальшивым, «случайно» при этом заезжая локтем мне по рёбрам. И куда, спрашивается, подевалась та влюблённая девица, что на прошлом уроке физры просила кубики показать?

После третьей такой случайности я догадался, что она, ви-

димо, мстит за то, что раскрылась правда о её подруге. И сейчас Милка всем своим видом даёт понять, что мы теперь враги.

Но меня это не останавливает. Инерция срабатывает снова и снова. Я будто приклеенный к своей ведьмочке — каждый раз встаю у неё на пути. Она сипло ругается. Так, что слышу только я. Физрук косится в нашу сторону, но я правил не нарушаю. Всё по-честному.

Она врзается в меня раз за разом: то грудью, то плечом. Тепло ударов проходит сквозь майку, разливаясь по телу. В такие моменты внутри меня всё сжимается и разжимается, как пружина. Короткий удар девичьего лба о мой подбородок — не сильно, но чувствую, как дыхание перехватило. Слышу её выдох — резкий, злой. В этот раз она падает на пол прямо у моих ног. Мяч выскакивает у неё из рук и оказывается прямо у моих кроссовок. Чистый, звонкий удар о пол спортзала. Я наклоняюсь и подбираю его одной рукой, будто ничего и не было. А она остаётся сидеть. Ладонь на паркете, волосы падают на лицо. Смотрит снизу вверх. В глазах — бешеный огонь. Я бы мог подать ей руку. Помочь подняться. Но не подаю. Стою, чувствуя этот жар в груди — от прикосновения, от того, что она здесь, у моих ног, и что мяч у меня.

Она поднимается сама — рывком, скрипя зубами, подбородок снова вздёрнут. Отряхивает ладони, не глядя на меня. — Мягкая посадка, ведьма, — говорю тихо, ухмыляясь. И тут лезет он. Егор. Мелкий задиристый придурак. Про-

бегая мимо, цепляет Стефанию плечом так, что её разворачивает и она чуть не падает. А он ржёт и бежит ко мне, видимо, думая, что я кивну ему — мол, молодец, помог. Внутри у меня за эти пару секунд как будто что-то взорвалось. В солнечном сплетении резко вспыхивает жар — как искра в порохе. Гнев кипит под рёбрами. Только я могу её толкать. Когда Егор подходит, я отворачиваюсь ото всех и кладу ладонь ему на плечо. Мы, будто закадычные друзья, решили потрепаться. Большой палец упираю чуть выше ключицы — точка мягкая, нервный пучок. Давлю так, что у него перехватывает дыхание. Он, задыхаясь, открывает и закрывает рот, лицо искажается.

— Слышь, Егорка — говорю тихо, наклонившись к его уху. — Отвали от неё. Ещё раз дотронешься — руку сломаю.

Он пытается вывернуться, и я нажимаю чуть сильнее.

— Понял? — шиплю сквозь зубы

— П-понял — просипел он. Лицо алое, согнутая спина.

Я ослабляю хватку, хлопаю его по плечу — по-братски. Никто ничего не видел. Егор отходит и падает на скамейку, делая вид, что шнурки поправляет. Правильно, Егорка. Поправляй. Никто не смеет вставать у меня на пути.

Свисток. Новая подача. Стефания снова идёт на меня — рвётся, чиркает мне локтем грудь. Ох, хороша. Носится, как ветер. Упрямая. Злая. Я на секунду ловлю себя на мысли, что люблюсь, — и сразу внутри звучит отрезвляющий разум голос: “Ну конечно, Марсель, опять её чары!” Чары или нет,

но я не даю ей пройти. Закрываю путь корпусом, держу низкий центр тяжести. Она пытается, но я перехватываю мяч прямо из её рук.

— Пробуй ещё, ведьма.

Она пытается ещё и ещё, но безуспешно. Через пару минут раздаётся свисток. Всё. Игра закончена. Её команда проиграла, как и должно было быть. Стефания стоит у линии, тяжело дышит. Пальцы сжимают мяч так, что костяшки белеют.

Чуть позже я стою у стены в коридоре, бутылка воды в руке, вытираю лоб рукавом.

Смотрю, как она выходит из спортзала — волосы спутались, тонкие пряди прилипли к шее, лоб влажный, щеки розовые. Идёт ровно, взгляд не поднимает, но я вижу по плечам — проигрыш ей неприятен. Милка идёт рядом, жестикулирует, тараторит. Увидев меня, впивается взглядом, будто когтями. А я только ухмыляюсь. В груди тепло. Словно наелся чего-то вкусного. Тело брызжет энергией. Внутри — жара больше, чем после интенсивной тренировки с парнями. Мелкие смешки выходящих пацанов заполняют коридор. Кто-то похлопал меня по плечу: «Красава!» Но я слышу их как сквозь вату.

Всё внутри зудит: хочу ещё. Мне мало.

Улыбаюсь. Пусть думает, что сегодня всё закончилось. Пусть отдыхает, зализывая раны своей гордости.

Мы продолжим завтра. И посмотрим, ведьмочка, на что

ты способна без своей магии, которая на меня вообще не действует.

Кто сказал, что здесь скучно? Я? А вот и нет. Спасибо тебе, ведьма. А то я уж думал — сдохну тут от скуки. А теперь — держись.

Я буду рядом. Буду мешать твоим фокусам. Буду смотреть, как ты дёргаешься и пытаешься нас всех обмануть. И посмотрим, кто из нас сдастся первым. Спорим — не я.

Глава 8

Стефания

Шум спортзала ещё звенит в ушах, даже когда мы с Милой выходим на улицу. Мартовский ветер хлещет по лицу, сбивает дыхание — и в этом холоде, странным образом, легче дышать. Я вдыхаю поглубже, словно смываю с себя запаха пота, мячей и спортивного зала, где он смотрел на меня так будто я — никто. Или того хуже.

— Вот же гад! — взрывается Мила с первой же ступеньки крыльца. Она не смотрит на дорогу — жестикулирует так, что шапка съезжает набок. — Ты видела?! Ты это видела?! Он что, вдруг решил показать всем, что теперь тут главный?! Да он да если бы не учитель, я бы ему

Я усмехаюсь.

— Что бы ты ему? Кубики бы пощупала? — поддеваю я тихо.

— Иди ты! — Милка пытается легко толкнуть меня плечом, но поскользывается и спотыкается о сугроб. Я хватаю её за локоть, иначе полетит носом в грязную снежную кашу. — Я серьёзно, Стеф! Ты же видела, что он творил! Вся эта показуха: «Смотрите, какой я герой, заблокировал девочку!» Тьфу!

Она фыркает так громко, что прохожий оборачивается, но Мила ничего не замечает, пылая справедливым гневом.

— Он специально, я тебе говорю! Унизить хотел. Перед всеми! — она снова машет руками, волосы выбиваются из-под шапки. — И Егор этот ещё... Как он тебя «случайно» задел? Небось подлизывается к этому гаду. А сам всё время: ах, посмотрите, «я весь такой правильный». Да у меня слов нет! Я бы

Под ногами хлюпает грязный снег, фонари жёлтым светом подсвечивают мокрые ветки деревьев. Я иду рядом с возмущающейся подругой и чувствую, что внутри закипает. Не обида — злость. Глухая, ровная. Как если бы костёр внутри раздували неспешно, но упорно.

— Да пусть, — отрезаю я вдруг. — Ничего. Завтра посмотрим, кто кого. Пусть он думает, что прижал меня. И что я поджала хвост и испугалась. Пусть немного помечтает.

Мила останавливается, хватая меня за рукав.

— Стеф Ты только не думай, что это правда. Я имею в виду то, что он про тебя несёт. Ладно? Я никогда так не думала — и никто так не думает. Это он один такой умный нашёлся. Может, ты и ведьмочка, но ты хорошая. И вообще — в этом ничего такого нет, поняла? — Она говорит быстро, захлёбывается словами. — А вот он — козёл. По жизни козёл. И это не лечится. Так что уж лучше быть ведьмочкой, чем козлом.

Я смотрю ей в глаза — под этим уличным светом они кажутся почти янтарными. Всегда тёплые, с искрой лукавства. Только вот сейчас в них лишь слёзы обиды.

— Поняла, Милка. — Я киваю. — Но поверь мне: если

кто и пожалеет о его словах то уж точно не я.

Я вытягиваю губы в злую улыбку.

— Я ему ещё покажу, Милана. Он ответит за каждое слово. За каждое оскорбление. И за твою обиду тоже.

Дверь хлопает за спиной, дом встречает меня теплом, запахом сушёных трав и светом из кухни.

Я скидываю рюкзак прямо на пол, стаскиваю ботинки — хлопок подошвы звучит так обыденно, что внутри на миг всё обрывается. Ещё утром я была просто обычной девчонкой: мечтала стать ветеринаром и скучала по одноклассникам. А теперь — ведьма, которую ненавидят.

Я слышу шум на кухне: стук чашек, звон ложек о фарфор, тихий плеск чайника. Бабушка встречает меня чашкой чая. Я прохожу по коридору, и Ба уже стоит у края кухонного стола. Старое серебряное кольцо с рубинами блестит на пальце, когда она размешивает заварку в пузатом чайнике. Плечи чуть напряжены — я вижу, как дрогнули её пальцы, когда она заметила меня.

Она поднимает глаза, и всё. Её взгляд пробирает до самых костей. Ба всегда так смотрит: будто видит больше, чем ты сама готова показать.

— Иди сюда, — тихо говорит она. Голос чуть хриловатый, родной, успокаивающий. Я подхожу. Ба откладывает ложку, оставляет чайник, вытирает пальцы о чистое вафельное полотенце и медленно берёт меня за подбородок. Тёплые пальцы пахнут мятой и чем-то горьковатым. Полынь?

Наверное, полынь. Ведьмина трава, что «правду показывает, какой бы горькой она ни была». Надо же, как много я помню из того, что она шептала мне ещё в детстве.

Она долго смотрит в глаза. Я пытаюсь отвести взгляд, но она не даёт — крепко держит меня за подбородок.

— Ох, девочка моя — выдыхает она, тихо-тихо. — Я так и знала.

И прежде чем я успеваю что-то спросить или возразить, Ба вдруг притягивает меня ближе. Она обнимает, прижимает к себе, как в детстве. Запах её халата — полынь, лаванда и тёплый мёд

— Держись, Стефания. Держись, моя ведьмочка, — шепчет она мне прямо в висок. — Ты справишься. Ты сильная.

Внутри что-то щёлкает. Я утыкаюсь носом в её плечо, вдыхаю её запах — пахнет домом, детством — и чувствую, как горло сжимается. Я выпрямляюсь, выдыхаю:

— Спасибо, Ба. Я... я справлюсь.

Она кивает, отступает на шаг и снова берётся за свой чайник — разговор окончен. Но я-то знаю: разговор только начинается. Внутри нарастает ком. Я иду в душ, чтобы смыть с себя всё лишнее. И чтобы там, под горячей водой, наконец позволить себе слабость хоть на миг.

Горячая вода бьёт по плечам и голове так сильно, что кажется — вот-вот смоеет кожу. Я подставляю лоб под струи, зажмуриваюсь и слышу, как шум воды глушит всё вокруг: гул мыслей, голоса одноклассников, его «ведьма» — всё то-

нет в этом ровном, тёплом шуме.

Я шмыгаю носом, провожу руками по волосам, выжимаю мокрые пряди. Горячие капли стекают по губам. И вместе с ними — ещё что-то солёное. Слезы. Я чувствую, как подборонок дрожит, и понимаю — всё, хватит держать в себе. Ба сломала эту плотину одним взглядом и объятием — и спасибо ей за это.

Я рыдаю, закрывая рот ладонями, чтобы никто не услышал. Слезы горячие, злые. Они солёные и горькие, как обида, которая всё копится. Не с сегодняшнего утра, нет. Это началось задолго до сегодня. Всё это берёт начало с того дня, в детстве, когда я впервые услышала в свою сторону: «*Ведьма, ведьма*». В тот миг стало страшно, больно и стыдно, что я не такая как все.

“Можно подумать, я за весь род должна отвечать.”
Мысли стучат в висках.

Где-то внутри под ребрами медленно поднимается другая волна. Не жалость к себе, а злость. Жгучая, как раскалённый уголёк. Я чувствую, как эта злость собирается в груди, растёт.

— Больше ни одной, — шепчу я горячо, сквозь воду и пар. Голос срывается. — Я больше не пролью ни одной слезинки из-за тебя, Верис. Ни одной. Это война. И победа будет за мной.

Да, я ведьма. Я ведьма — и горжусь этим.

Запрокидываю голову назад, подставляя лицо под струи,

и в этот момент решаю: всё. Хватит прятаться. Хватит стесняться моей сущности. *Завтра я дам тебе отпор, Марсель Верис. Завтра ты узнаешь, что значит связаться с ведьмой.*

Я выключаю воду и выдыхаю. Внутри всё ещё тепло, но теперь это не обида. Это жар костра, который Ба всегда раздувала во мне в детстве сказками про предков.

Мочалка жёстко скребёт распаренную кожу, оставляя красные пятна на плечах и шее, но мне всё равно. Наоборот — только подталкивает к решению: всё, хватит быть добренькой.

Я вытираюсь быстро, стряхивая с себя остатки слабости вместе с каплями воды. Надеваю халат. Выдох — и я снова в коридоре. Вода ещё капает с мокрых волос на спину и пол, но я не спешу их сушить. Позже. Сначала — главное.

Ба всё там же, на кухне. Сидит за столом, пьёт чай, перебирает какую-то зелень, сортирует на старой деревянной доске и режет тем самым ножом, который я хорошо помню с самого детства — с потёртым узором на ручке.

Она слышит мои шаги и медленно поднимает глаза. Знаю этот взгляд. Видит меня насквозь.

— Ну?

— Ба. — Сажусь напротив неё, обхватив руками чашку с чаем, что она приготовила для меня. — У тебя есть, что почитать про ведьм про нас?..

Ба смотрит молча секунду-другую.

— Молодец, — наконец говорит она и, прищурившись, хмыкает. — Вот это я понимаю настрой.

Она откладывает нож, вытирает пальцы о старую льняную тряпку и встаёт. Медленно идёт к старому буфету у стены, открывает дверцу. Внутри всё, как всегда: банки с сушёными травами, коробки с лентами, мята, засушенные апельсиновые корки. Только Ба вдруг наклоняется ниже и засовывает руку в самый дальний угол — глухо скрипит потайная дощечка.

— Все гримуары сожгли, — говорит она так, будто читает мои мысли. — Но мы бы не были ведьмами, если бы не оставили пару старых секретов про запас.

Она поворачивается — и в руках у неё нечто плоское, обёрнутое в вытертый серый лён, стянутый старой бечёвкой.

Ба кивает на это «сокровище» и протягивает мне.

— Вот. Начинай с этого. Сама всё поймёшь.

Я беру свёрток в руки. Он чуть тяжёлый, будто внутри больше, чем просто бумага.

— Чай допей, — кивает на кружку.

Я залпом выпиваю остывший чай — горечь обжигает язык, скатываясь в живот тяжёлым комком. Ба вдруг цепко хватает меня за руку, останавливает, улыбается — теперь уже хитро, чуть дерзко, как девчонка.

— Только аккуратно, ведьмочка, — говорит она тише. — Это тебе не сказки на ночь. Не вздумай читать вслух, пока не будешь уверена, чего именно хочешь.

Я киваю, не чувствуя под ладонями шершавости ткани — только сердце бухает в горле.

— Пора, — слышу за спиной, когда уйду в свою комнату.

В комнате бросаю свёрток на кровать, закручиваю волосы полотенцем. Узел на бечёвке поддаётся легко. Лён спадает — под ним тёмная обложка: кожаный переплёт, потрескавшийся, как сухая земля. В центре — выдавленный символ: круг, переплетённый с ветвями. На уголке — выцветший знак дракона.

Я открываю первую страницу. Пожелтевший лист, на нём чернила — местами расплывшиеся от времени. Первые строки написаны каллиграфическим почерком. Чёрные, как ночь, завитки букв:

«Ведай: кто силу берёт — тот да хранит её чистой. Кто силу предаёт — сгниёт в жадности своей до века.»

Глава 9

Стефания

Я сидела, поджав ноги, в кресле у окна. В комнате было темно, только тёплый круг света от настенного светильника, расположенного над креслом, освещал страницы раскрытой книги на моих коленях. Вокруг — тишина. Слышен только шелест страниц и моё дыхание.

Я читала уже не первый час — жадно, взахлёб. В груди разрасталось ощущение, будто я не узнавала что-то новое, а вспоминала забытое.

«И только ведьмы умеют приручать созданий сумрака, чьи следы ведут в Туманный лес на границе города. Их зовут саэрины — дети тьмы и света. Не звери и не духи, а нечто промежуточное. Тех, кто заблудился, они могут увести в сон, защитит или растерзать, если почувют зло. Ведьмы с древних времён не боялись саэринов. Напротив — они шли к ним, заключая союз. Один саэрин на всю жизнь — не слуга и не питомец, а спутник. Страж равновесия. Отражение тени в твоей душе. Свет, сдерживающий тьму.»

На той же странице, но чуть ниже, был нарисован саэрин рядом со своей ведьмочкой — высокий и тонкий. Он был похож на огромного дикого зверя с гибким телом и мощными лапами, будто сотканный из лунного света и полночной тени. Его чёрная шерсть казалась почти прозрачной, словно

соткана из густого дыма, а глаза глаза лучились ярко-жёлтым светом. Но всё же они отличались от глаз зверя. Казалось, в них светился ум? В его облике было что-то от кошки — грация, поджарое тело, но и что-то волчье — хищное и выносливое. Связь между ведьмой и саэрином чувствовалась даже на бумаге. Не хозяин и питомец, не повелитель и слуга. Равные. Два существа — свет и тень — идущие рядом. Ведьма едва касалась кончиками пальцев макушки своего саэрина, а тот прижимался к ней боком, выставив одну лапу вперёд — перед её ногой, словно защищая.

“Наверное, таких больше не встретишь. Они остались лишь в книгах,” — с горечью подумала я. И всё равно не могла оторваться.

Я провела пальцем по рисунку, будто надеясь прикоснуться к нему. Лес за городской чертой Тот самый. Запретный, опасный, где за защитным барьером, по слухам, до сих пор прячутся жуткие чудовища. Но, оказывается, именно там когда-то жили они — саэрины. Интересно хоть один из них остался в живых?

При этой мысли в груди вдруг что-то дрогнуло — лёгкий, едва различимый отклик, будто звон крошечного колокольчика внутри.

На полях страницы рукой кто-то приписал чернилами: «Их свет не слепит. Их тьма не поглощает. Они — весы, на которых ведьма держит мир».

Часы летели, а я всё читала про светлую, чистую магию

магов, переданную им с кровью драконов. И про ведьм, чья сила, как и магия саэринов, рождалась на границе света и тени.

Хотя я ещё многого не знала, но, дойдя до второй части книги, которая называлась “Ведьминский Шёпот”, я вдруг ясно поняла: мне нужно попробовать. Хоть простейший Шёпот поиска, например. Я долистала до нужной страницы, ближе к середине книги, прижала её к себе покрепче и скользнула взглядом по строкам:

«Для простого поиска выбери цель: вещь, имя или образ. Закрой глаза. Вдохни и выдохни. В момент выдоха произнеси: "Мейра, ведь, найди — дай образ, дай след." Повтори трижды, с намерением. Слушай и чувствуй свою силу — позволь магии прийти.»

Я перевела взгляд на свой стол. Там лежал мой школьный планшет и пара книг из библиотеки. Совершенно некстати вспомнила, как Милана рассказывала, что сам факт того, что мы до сих пор пользуемся бумажными книгами тут, в глупинке, вызывает у Марселя снисходительные усмешки. Я тут же скривилась от упоминания об этом надменном идиоте и снова вернулась к поиску “цели”. Рядом с книгами лежал клочок бумаги. Мягкий, чуть надорванный по краю. Сегодня на последнем уроке, перед физрой, пока мы ждали учителя, в меня что-то прилетело сзади. Бумажный комок. Я подумала — записка. Может, от Лёшки или Ромки. Развернула её и застыла. На клочке была нарисована ведьма. Злобная. С кри-

выми зубами, острым носом и подписью «угадай кто». А рядом — уродливый кот с вытаращенными глазами. Пародия на фамильяра, которого у меня, конечно же, нет. Я и сама не поняла, почему тогда не выбросила этот клочок бумаги. Наверное, заболталась с Милой после урока и машинально сунула в карман. А теперь вот он лежит здесь.

Я с минуту колебалась. А хочу ли я знать, кто это нарисовал и бросил в меня? Я, конечно, догадываюсь. Но одно дело подозревать, а другое — знать наверняка? Но потом я подошла к столу, решительно сжала рисунок в руке и закрыла глаза. Вдох — медленный, глубокий. Выдох — как будто вместе с воздухом выпускаю сомнения.

И снова:

— Мейра, ведь, найди — дай образ, дай след, — тихо, еле слышно я повторила три раза.

Прислушалась к себе: к дыханию, к телу, к тому, что должно было откликнуться внутри. Но ничего. Пустота. Ни тепла, ни холода. Просто слова, исчезающие в ночи.

Я попробовала ещё раз. Медленнее. Чётче. И снова — ничего.

— Да что ж такое — выдохнула я с досадой. — Почему не работает?

Пальцы дрожали, когда я захлопнула книгу. Встала, прошлась туда-сюда по комнате. Потом схватила телефон и села на пол. Через пару секунд уже лихорадочно щёлкала по экрану.

"Магия не работает. Почему?" "У ведьмы не получается заклинание." "Как понять, почему сила мага не работает?"

Форумы, блоги, соцсети. Большинство совершенно бесполезных, конечно. Но где-то на одном сайте я наткнулась на фразу, от которой сердце застучало быстрее:

«Если ты не чувствуешь отклика от магии, значит, сила запечатана: защитой, обетом или страхом.»

Я прикусила губу и пролистала всю страницу сайта до самого низа. Но дальше были только обрывки чужих историй и бессвязные, а порою и глупые советы. «Попробуй в полнолуние». «Сплюнь три раза через плечо». «Пойди на кладбище».

— Ну да, конечно, — фыркнула я. Звучит, как бабушкины сказки для трёхлеток.

Но одно стало ясно: дело не в словах. Моя сила запечатана.

Я вздохнула и уронила голову на колени.

Сидела, прижавшись спиной к холодной стене, с телефоном на коленях и книгой в руках.

Почему я, ведьма, не могу даже шептать правильно? И почему он, Марсель, чувствует мою магию, а я — нет?

— Ну и пусть, — с досадой выдохнула я. — Даже без магии. Я всё равно ведьма. Просто теперь придётся справляться самой. Без шёпота и силы.

И как только я это сказала, внизу хлопнула входная дверь.

Я бросила взгляд на телефон. Почти полночь. Ого. Кто бы

это мог быть?

Я замерла, прислушиваясь. Шаги — тяжёлые, как будто кто-то еле волочит ноги по полу. Потом — голос. Низкий, чуть глухой. Папа.

Я резко поднялась и вышла в коридор — босиком, в пижаме. Он стоял в дверях, всё ещё в форме. Ворот рубашки расстёгнут, китель помят. Щетина неровно отросла, а под глазами — синие тени. На нём всё ещё была кобура, хотя оружия там уже не было.

Папа поднял на меня взгляд. Усталый. И в первый раз — какой-то чужой.

— Привет, котёнок, — выдохнул он.

— Привет, — тихо ответила я. — Что-то случилось?

За моей спиной снова послышались шаги — на кухню вошла мама. Она была в халате, волосы убраны в небрежный пучок. На лице — тревога.

— Ты чего так поздно? Почему не звонил? Мы мы волновались. Я весь вечер названивала, но мне говорили, что — слова выходили сбивчиво. — Сказали, ты выехал на задание ещё днём и чтобы я не волновалась

Папа ничего не ответил. Только кивнул — устало, как будто любое объяснение сейчас отняло бы у него все силы. Взглянул на маму, потом — поверх, вглубь коридора.

— Мне нужно поговорить с Луной.

Мама будто окаменела.

— Сейчас? — прошептала она.

— Сейчас, — подтвердил он. — Это важно.

Отец прошёл мимо нас и завернул за угол, к комнате бабушки. Дверь скрипнула — Ба, видимо, ещё не спала.

Мама устало опустилась на один из кухонных стульев. Руки — на столе, пальцы сцеплены в замок. Лицо побледнело. Я подошла ближе и села рядом, осторожно обняв её за плечи.

— Всё нормально, мам, — прошептала. — Ну, может ему просто нужен совет? Если бы случилось что-то плохое мы бы уже знали из новостей.

Мама вздрогнула. Губы её задрожали, но она ничего не ответила.

Время тянулось медленно. Я сидела, уставившись в стену, пока экран телефона не мигнул. Сообщение от Милки: «Ты спишь? Я придумала, как ему отомстить». Я прочитала, но не ответила. Просто положила телефон обратно на стол. Настроения не было. Ни мстить, ни смеяться, ни даже говорить. Завтра с ней поговорю.

Прошло, может, полчаса. Дверь бабушкиной комнаты наконец приоткрылась, и папа вышел. Но он был другим. Лицо — жёсткое, губы сжаты в тонкую линию, брови сдвинуты. Он даже не посмотрел в нашу сторону. Прошёл мимо кухни прямо к спальне и закрыл дверь.

Мама резко встала. В её глазах плескались гнев, страх и растерянность.

— Мама! — резко позвала она.

Ба уже стояла в дверях кухни.

— Ну и чего ты кричишь, дочь? Муж устал. А ты — вон, спать ему не даёшь

— Что ты ему сказала? Что случилось? — Мама подошла почти вплотную к бабушке, голос дрожал. — Я впервые вижу его таким.

Ба хмыкнула. Медленно наклонилась вперёд и, тыча маме пальцем практически в нос, отчеканила:

— Марш. К мужу. Под бок.

— Мам

— Нет «мамкай». Иди.

Мама резко развернулась и ушла в спальню, хлопнув дверью.

Ба подошла ко мне. Я даже не дышала.

— А ты — начала она, и мне вдруг стало страшно. — Молодец, — вдруг похвалила она.

И, не дожидаясь моей реакции, направилась к себе.

— Спокойной ночи, внучка, — услышала я уже от дверей.

Я поднялась наверх в свою комнату и залезла под одеяло, натянув его до подбородка. Потолок, как всегда, серый. Тонкая трещинка над лампой Раньше казалась просто трещинкой. А сейчас — как клык. Усмехающийся. Как Марсель. Вот же гад.

Я зажмурилась, пытаюсь отвлечься, но не тут-то было. Его образ тут же всплыл перед глазами: стоит посреди класса, как павлин. Самодовольный, с прищуром, будто знает что-то, чего не знаем мы. Затем картинка сменилась на ещё бо-

лее неприятную: как он блокировал меня на физре. Шаг влево, шаг вправо, везде он. И эта его ненавистная насмешка в глазах.

Я фыркнула, а потом заставила воображение нарисовать желанную картину: Марсель на разминке в спортзале, он делает выпады, приседает и тут — треск! Прямо по шву. Шорты предательски лопаются. А под ними — трусы. Яркие. В сердечках. Или с котиками. Но, главное, надпись: «На самом деле, я пушистый и ранимый котик».

В зале — гробовая тишина. А потом — взрыв. Лёшка захлёбывается от смеха, Ромка упал и стучит кулаком по полу. Даже учитель не сдержался — спрятал лицо за журналом.

А я прохожу мимо, как королева. Небрежно, и с самым невинным выражением лица шепчу:

— Какие милые котики, милашка Марсель.

И всё. «Милашка Марсель» тут же прицепилось, как репей. Все шепчутся и хихикают, а он так и застыл. Только лицо побагровело от стыда и злости, но ничего сделать не может.

Я открыла глаза, уткнулась взглядом в потолок и улыбнулась в темноте.

— Это тебе за всё, — шепчу. — И это только начало.

Подушка стала мягче. Одеяло — приятнее на ощупь. Я подтягиваю колени, сворачиваюсь клубочком и зеваю.

— Спокойной ночи, милашка Марсель.

И с этой мыслью засыпаю.

Глава 10

Стефания

— Ох ты ж ведьмин кот, — пробурчала я сквозь зубы, случайно наступив прямо в лужу с грязным снегом. — А погода-то, похоже, решила устроить нам сюрприз. Или, скорее, подлянку.

— Или проверку на прочность, — буркнула Милана, морщась и отряхивая кроссовок. — Ладно, не увиливай. Давай, выкладывай уже, что за сон тебе приснился? И при чём тут котики и Марсель?

— Да подожди ты про котиков и Марселя, — фыркнула я. — Ну, точнее, сначала были котики и Марсель, а потом сон. Но это был не просто сон... Я сама не поняла. Как будто... я не спала. А была где-то... в темноте, и там что-то было. Нет, вернее кто-то. Огромный. С глазами, как фонари. Похож на вымершего саэрина, только такой страшный, что аж мурашки по телу.

— Прекрати, — пискнула Милана, — я и так в последнее время не высыпаюсь. А теперь ещё ты со своими страшилками!

Мы свернули за угол, добежали до школы и, не сговариваясь, нырнули под бетонную лестницу у бокового входа — это было наше укрытие, где можно было поболтать и куда редко кто совался. Отсюда хорошо просматривалось крыль-

цо и часть школьного двора, но нас самих видно не было.

— Хватит мне зубы заговаривать этими снами про вымерших монстров. Рассказывай скорее про котиков и Марселья, а то я теперь вся на нервах.

— Ну так я тебе почти всё рассказала, — продолжила я, понизив голос, — там ещё были сердечки и котики, а надпись гласила: «На самом деле, я пушистый и ранимый котик».

— Что?! — хихикнула Мила.

— Ну да, котики и сердечки!

Я усмехнулась и облокотилась плечом о здание.

— А я такая прохожу мимо и говорю: “Какие милые котики, милашка Марсель.”

— Что?! — теперь Милана уже захлёбывалась смехом.

— Да. Представляешь? Его лицо побагровело от злости, но ничего сделать-то он не может.

— Марсель — пушистый и ранимый котик! Кто бы мог подумать, — хихикала Милка, прикрывая рот ладонью. — Надеюсь, ты его не будешь в классе называть “милашка Марсель”?

— С ума сошла? — я тут же выпрямилась, глаза округлились. — Это просто...

Я так и не успела ничего сказать — наверху на лестнице хлопнула дверь. Мы обе замерли. Секунда тишины, казалось, длилась целую вечность.

— Только не говори, что это был он, — прошипела Ми-

лана.

— Может, это уборщица — прошептала я, но сама уже в это не верила. Сердце бухало в груди.

— Или ещё хуже — один из его преданных фанатов, — добавила Мила. — Сейчас ему доложит...

Мы переглянулись. И вдруг обе зашлись в истерическом хохоте, до слёз и икоты. До того самого состояния, когда понимаешь: день только начинается, а раз уже весело, то, скорее всего, дальше будет только хуже.

— Пошли, Стеф, — сказала Мила, вытирая слёзы с уголков глаз. — Звонок вот-вот, а нам возможно ещё лицом к лицу с разгневанным Марселем предстоит столкнуться.

Мы прибежали в класс чуть запыхавшись — звонок уже прозвенел, но учительница по биологии, как всегда, опаздывала. Мила тут же принялась проверять сообщения на телефоне под партой, а я достала тетрадь и ручку, старательно делая вид, что готовлюсь к уроку.

Оглядываясь, замечаю Марселя. Он сидит позади меня, боком. Спина прямая, руки — на парте. Выглядит, как всегда, слишком идеально. И от этого хочется его немного растормошить. Ну или хотя бы пнуть, легонько.

Видимо почувствовал мой взгляд, он повернул голову, но смотрел как будто мимо меня, чуть склонив голову с “той самой” самодовольной усмешкой и прищуром, от которого у меня сразу зачесались кулаки.

— Итак, тема сегодняшнего урока, — учительница ворва-

лась в класс, будто вихрь, хлопнула папкой о стол и сняла шарф, с которого ещё капала талая вода. — “Физиология амфибий: дыхание, кровообращение и адаптация к среде”.

Кто-то с облегчением выдохнул — тема, оказывается, та же, что и на прошлом уроке. Кто-то зевнул.

— Но радоваться рано, — хмыкнула она. — Сегодня будет опрос. Так что вспоминаем, как осуществляется дыхание у лягушек. Поехали.

Позади меня кто-то громко прошептал:

— Эй, ведьма, ты ж в теме, да? Расскажи, как правильно жабу на зелье потрошить.

Я почувствовала, как взгляд сзади буквально сверлит затылок. Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять, чьих это рук (глаз) дело. В классе слышались сдавленные смешки.

— Заткнись, Марсель, — пробормотала я, не оборачиваясь.

Учительница щёлкнула журналом.

— Так-так. Кто-то у нас сегодня в ударе Верис. К доске.

Вот и началось.

Марсель поднялся медленно. Красуясь, подошёл к доске и, не торопясь, взял маркер. Но что меня особенно взбесило — он ни капли не волновался. Даже расправил плечи, как будто стоит на сцене.

— Расскажите, как функционирует дыхательная система земноводных, — продекламировала учительница, усаживаясь на край стола. — Например, как дышит жаба.

Марсель ухмыльнулся. Повернулся вполоборота к классу, но смотрел лишь на меня. В его глазах вспыхнула искра. И он начал:

— Жабь относятся к земноводным, — начал Марсель с невинной улыбкой, но голос звучал дерзко, — и способны дышать как с помощью лёгких, так и кожей.

Он говорил, не отводя от меня взгляда.

— Под водой, когда лёгкие не используются, газообмен происходит через влажную кожу, богатую капиллярами.

Сделал паузу, словно смакуя:

— Но для этого, как вы понимаете, поверхность должна быть достаточно тонкой, постоянно увлажнённой

— Молодец, — кивнула учительница. — Садись, Верис. А теперь Стефания. Продолжи, пожалуйста. Как выживает лягушка в анабиозе, например, при минус тридцати?

Я выдохнула, встала и направилась к доске.

Этот «молодец» театрально проходит мимо, задевая меня плечом. Но я-то знаю — у Марселя ничего не бывает случайно.

— Удачи, ведьма, — тихо мурлычет Марсель. Да, именно мурлычет. — Она тебе понадобится, потому что в учебнике об этом ничего не написано.

Ошибаешься, милый. Ты, видимо, сноски не читаешь. Я скидываю голову, стискиваю маркер в руке. Я готова отвечать.

Скользнув по нему взглядом, ловлю его ухмылку — са-

модовольную, лениво-хищную. Он достаёт руку из кармана, проходит мимо стола учительницы и будто невзначай проводит пальцами по своим волнистым, золотистым волосам. Я замираю, чувствуя как по спине прокатывается дрожь. И тут же меня накрывает его запахом: мята, тёплая кожа, мускус. “Ох ты ж ведьмин кот” Резко втягиваю воздух, выпрямляю спину и стискиваю зубы, пытаюсь сосредоточиться.

Что-то шуршит, и вдруг из кармана Марселя выпадает какая-то бумага, которую заметила учительница. Она наклоняется и поднимает, хмыкая:

— А это что у нас?

Класс замирает в ожидании, пока взгляд учителя скользнет по открытке.

— “Ты — мой сладкий котик. Мечтаю погладить твою мягкую шерстку... Мур”, — читает она вслух и поднимает бровь. — Верис, не ожидала. А вы у нас, оказывается... поэтическая натура.

Уже успевший занять своё место Марсель снова вскакивает и практически вырывает открытку из её рук. Его лицо вспыхивает, как факел.

— Это не моё! — говорит он резко, уставившись на меня в упор.

Класс взрывается хохотом. Кто-то пихает одноклассника в бок, кто-то повторяет “котик, мур-мур-мур” шепотом.

Я стою ошеломлённая. Смотрю то на Марселя, то на одноклассников, пока не натыкаюсь взглядом на неё. Кристи-

на. Моя “подруга” со второго класса. Та самая, что когда-то была по уши влюблена в Егора и люто ненавидела меня за то, что он обращал внимание не на неё, а на меня. Правда в лицо она мне этого никогда не говорила. Наоборот — пыталась “дружить”, а за спиной устраивала подлянки, притворяясь невинной овечкой, пока мы с Милкой её не раскусили.

Сейчас она сидит бледная, почти сползла со стула. Не смотрит ни на кого, не смеётся вместе со всеми. И я вдруг понимаю: кажется, она положила глаз на новенького. Тогда-то всё и встаёт на свои места — и грохот двери на лестнице, когда мы обсуждали Марселя и его любовь к котикам

“Думаю, открытка — это её рук дело.”

Но тут Марсель снова поворачивается ко мне. Его голос звучит нарочито вежливо, с показной «галантностью», за которой прячется издёвка:

— Я, конечно, польщён твоим вниманием, Стефания, — тянет он. — Но, увы нет. На свидание с тобой я не пойду. Даже если ты любишь котиков.

Он делает паузу и добивает:

— И можешь больше не подсовывать мне свои записки.

И снова в классе — смех. Но теперь уже надо мной. Внутри всё словно сжимается в узел. Я разглядываю его довольное лицо. Он думает, что победил. Ну что ж, Марсель Верис, смейся, пока можешь. Мы ещё посмотрим, за кем останется последнее слово.

— Кхм-кхм, — учительница откашливается, осаживая

разбушевавшийся класс. — Верис, если вы не возражаете, свои драматичные любовные эпопеи оставьте, пожалуйста, для перемены. Или, ещё лучше, для театрального кружка.

Как ни странно, несмотря на бушевавшие внутри эмоции, я отвечала спокойно и чётко. Учительница даже кивнула с одобрением — мол, молодец. Краем глаза я заметила, как у Марсея поползли вверх брови. Видимо, ожидал, что я сяду в лужу. Ошибочка вышла.

Звонок на перемену прозвенел, как спасение. Я метнулась в коридор первой, не дожидаясь Милки. Хотелось выйти из этого удушающего класса, где, казалось, всё пропахло наглым самодовольством Вериса.

Мила догнала меня у раздевалки, и мы наспех натянули куртки. У нас было всего пятнадцать минут, но мы обе надеялись успеть выскочить на улицу и вдохнуть хоть немного свежего воздуха.

— Стеф, слушай! Ты видела его лицо?! Это просто... нечто! — Она зашлась в сдавленном смехе. — Он так на тебя посмотрел Прямым взглядом убивал! Чисто: «я тебя урою, ведьма»!

— Кто бы сомневался, — буркнула я, застёгивая молнию куртки.

— Так это ты была? — Милка придвинулась ближе, сузив глаза. — Ну, признайся. Это ты подкинула записку?

Я смерила её взглядом.

— Милка, ты серьёзно? Ты правда думаешь, что я бы по-

слала ему открытку? Да ещё и с таким отвратительным содержанием?

— Ну-у — она пожала плечами. — Просто после того, как он с тобой себя вёл Я бы, честно сказать, тебя не осудила.

Я закатила глаза.

— Спасибо за доверие, подруга.

Мы одновременно хихикнули.

Но веселье быстро испарилось. Я почувствовала его раньше, чем увидела — как перемену давления. Пространство будто уплотнилось. Мила тоже притихла.

Марсель шёл в нашу сторону. Быстро. С зажатой бумажкой в руке.

Я расправила плечи.

— Ты! — Он остановился прямо передо мной, сунув бумажку практически мне под нос. — Это твоих рук дело?

— А может, твоих фанаток? — не дрогнув, ответила я, глядя ему в глаза. — Их у тебя хватает.

— Очень смешно. — Он шагнул ближе, наклонившись и оказавшись почти вплотную ко мне. — Только вот ни одна из них не пыталась использовать свою магию на мне.

Я уже открыла рот, готовая ответить — язвительно, с вызовом, — но слова застряли в горле. Мы застыли, глядя друг другу в глаза. Он стоял слишком близко. Слишком. Ещё чуть-чуть, и его рука коснётся моего лица.

Сердце гремело так, что перекрывало все звуки вокруг. А он его дыхание сбилось, в глазах мелькнула растерянность?

Он смотрел на моё лицо — внимательно, пристально, будто искал в нём ответ. Взгляд скользнул к губам. А потом он начал медленно сокращать расстояние между нашими лицами. Ох ты ж ведьмин кот, что он творит..?

И в этот момент между нами резко вклинивается чья-то фигура.

Марсель отскакивает, как ужаленный. Выражение его лица такое, будто его вырвали из сна. Губы плотно сжаты, глаза сверкают.

Кристина, бледная, с красными глазами, вырывает записку из руки Марселя и убегает, задевая плечом Милу. Та от неожиданности отступает назад.

Молчание.

Марсель отводит взгляд. Я делаю шаг в сторону, и дышать сразу становится легче.

— Ну вот, — спокойно произношу, хотя голос всё ещё дрожит. — А теперь — время извинений. Как ты понял, виновата не я.

Он щурится, не глядя на меня:

— В этот раз, — сухо бросает он, а после поворачивается и уходит в сторону лестницы, не оглядываясь.

Я чувствую, как Мила берёт меня под руку:

— Вот это сейчас было ммм напряжённо.

— Это было странно, — выдыхаю я. — И вообще всё странно.

После уроков мы выходим из школы — в лицо сразу уда-

ряет холодный мартовский воздух. Мила смеётся и пересказывает самые смешные моменты урока, будто меня там и не было. А я иду рядом и думаю: ну да, трусов с котиками не было. Но котики ведь были. И насмешки. И злой Марсель.

А вдруг это и была моя магия?

Глава 11

Стефания

Я смотрела в экран телефона и не понимала, что происходит. Последнее сообщение в чате класса было ещё с вечера пятницы — какая-то гифка с лягушкой и подписью «ура, скоро каникулы». И тишина. Никаких обсуждений, ни привычных мемов, ни планов на выходные, ни даже тупых шуточек Егора. Будто все вдруг ушли в подполье.

Я нахмурилась, открыла личку и набрала Милке:

Я: «Что-то чат умер. Что-то случилось?»

Ответ пришёл почти сразу, но из тех, что только злят сильнее:

Милка: «Потом расскажу»

Я: «Потом — это когда? В следующей жизни?»

Я: «Скажи. Сейчас.»

Долгая пауза. А потом — два слова.

Милка: «Сейчас перезвоню.»

Я уже знала, что новости хорошими не будут. Если она не может мне написать сообщением или ответить голосовым, значит, это что-то мерзкое. Я поднялась с кровати, подошла к зеркалу, машинально поправила выбившийся локон. Сердце билось неровно.

— Мила, — ответила я на её видеозвонок, — только честно говори.

Прошло секунд пять, потом раздался тихий, сдавленный голос Милки:

— Они создали новый чат... без тебя. Потому что ну типа боятся, что ты на них порчу наведёшь ты же ведьма.

Мила замялась, мяла в руках край кофты, глядя куда-то в сторону.

— Ну, они такие тупые Ты не поверишь, подруга, но в пятницу, после того происшествия с запиской Марселя, у Ромки телефон завис, у Кристины — чулки порвались. У Егора цветок с подоконника ему на голову рухнул, и он теперь без конца твердит, что это твои “ведьмовские штучки”. Мол, что ты и правда ведьма. Прости, Стеф.

Я молчала. Только дышала, пытаюсь не показать, как это больно.

— Ты не думай, — Мила заговорила торопливо, будто боялась, что я сейчас сброшу звонок. — Я там не потому, что думаю, как они! А потому что, ну хочу знать, вдруг они какую-то пакость задумали. Я ж за тебя, правда. Просто они дураки.

Её голос дрогнул. Моя эмоциональная подруга всхлипнула, но тут же отвернулась от камеры, делая вид, что просто зевает. На деле же она украдкой вытирала слёзы с лица.

— Милка, ну не плачь, — тихо сказала я, — пожалуйста.

Она вздрогнула, и голос у неё стал сиплым:

— Я не из-за тебя, — пробормотала она, всё ещё отворачиваясь от камеры. — Я из-за себя Понимаешь, мне просто

обидно. Я их там рву, как могу, а толку ноль. Они смеются. А я одна. За тебя хоть горло перегрызть готова, а всё равно ничего не могу изменить.

Она вскинула глаза на экран, в них блестела злость, бес-
силые и отчаяние.

— Я не из жалости к тебе реву, поняла? А потому что не могу тебя по-настоящему защитить. Хотя очень стараюсь.

— Милка — выдохнула я. — Всё нормально. Правда. Я же ведьма, помнишь? Я переживу.

Я старалась звучать спокойно, но внутри всё будто сворачивалось в узел. Пока подруга шмыгала носом и торопливо оправдывалась, я молчала и слушала. И с каждым её словом становилось всё горше.

Моей первой мыслью было даже не «ну и идиоты», а — «А вдруг они правы? А вдруг правда из-за меня?»

Я медленно села на пол, прислонилась спиной к кровати. Из телефона доносился едва слышный голос Милы, но я уже почти не слушала. Просто смотрела перед собой, не моргая.

Вот так, значит. Мои одноклассники боятся меня. Не потому, что я сделала им что-то плохое, а потому что я другая. Потому что я — ведьма. Потому что Марсель Верис ткнул в меня пальцем, обозвав при всех ведьмой.

Он высмеивал, подкалывал, цеплял — всегда играючи, с ухмылкой, под аплодисменты зала. Публика только и ждала повода. А когда поводов не нашлось, начали выдумывать.

Слёз, как ни странно, не было. Была только холодная

злость. Всего этого бы не было, если бы не один высокомерный гад, который начал охоту на ведьм. Я его никогда не прощу и, как только появится возможность, обязательно отомщу.

На следующий день я пришла в школу, стараясь не выдать ни одной эмоции. Лицо словно маска. Хотя внутри всё гудело, как сломанная линия электропередач. Утро было пасмурным, пахло сыростью.

В классе на меня почти не смотрели. Почти — потому что взгляды всё-таки были. Краешком глаза, исподтишка. Будто боялись, что я замечу и что? Сожгу взглядом? Наведу на них бессонницу и прыщи?

Я злобно зыркнула на тех, кто осмелился смотреть открыто. Парочка парней с задней парты сразу же отвела глаза. Девчонки спрятали лица за планшетами и стали тихо перешёптываться. Ну и пусть боятся. А то превращу их всех в жаб Их счастье, что я не умею. Но руки прямо так и чешутся сделать что-то, чтобы уменьшить боль в груди и выместить затаившуюся на одноклассников обиду.

Егор первым не выдержал. Когда я проходила мимо, он нарочито громко — так, чтобы я точно услышала, начал рассказывать своему другу:

— Слышь, помнишь анекдот?.. «Ты ведьма!» — передразнил он писклявым голосом. — «С чего ты взял?» — «У тебя в руках кукла с моим лицом, утыканная иглами» — А она ему: «Я просто добрая фея и делаю акупунктуру»

Он рассмеялся первым. За ним — вся его мини-свита. Некоторые в классе захихикали. Кто-то, как обычно, переглянулся. Всё было рассчитано идеально. Вроде и не напрямую меня оскорбляют, просто “шутка”, анекдот. А вроде как и всем понятно, с какой целью это было сказано.

Я сделала вид, что не слышала. Ни малейшего ответа, ни вздёрнутой брови. Даже глазом не повела в их сторону. Просто прошла мимо, будто они — часть интерьера. Села на своё место — первую парту.

Хорошо, что Милы ещё не было. Уж она-то промолчать бы точно не смогла — вспыхнула бы, как сухая ветка, и устроила бы скандал. Она показывала мне скрины из нового чата. Чат назывался «Охота на ведьму». Очень остроумно. Там одноклассники обсуждали меня, а она с ними спорила, ругалась, кидалась аргументами, язвила.

— Прекрати, — говорила я ей. — Не корми троллей. Ты только даёшь им повод. Так они до самого выпускного не успокоятся.

Но Мила упорно ныряла в это грязное болото с головой. Говорила, что если промолчит, будет потом себя винить. Что так хотя бы выпускает пар. Что ей легче, когда она знает, о чём они говорят и что они задумали. И что хоть кто-то должен сказать им в лицо, насколько они жалкие.

Я кивала. Молча. Потому что больше не знала, что сказать и что делать. Пока решила не говорить ей об очередной подколке Я сидела спокойно, с прямой спиной. И только ногти

впивались в ладони — так, чтобы не дрожали пальцы. Смотрела в окно слева от меня и думала: «Осталось чуть-чуть. Осталось дожить до каникул.»

Но моего спокойствия хватило ровно на пять минут. Со стороны задних парт вдруг раздался звонкий смешок, и я оглянулась. Это была Кристина. Она сидела на краю парты Марсея, склонившись к нему, и что-то шептала. Её пухлые губы, маникюр, аккуратно уложенные волосы — всё идеально. И этот взгляд, полный притворной невинности, от которого, казалось, у любого парня должно было затрепетать сердце если оно, конечно, не такое ледяное, как у Вериса.

А он сидел, как всегда, с идеально уложенными волосами. Смотрел в мою сторону, но сквозь меня, на доску. И даже не моргал. И это почему-то бесило ещё сильнее, чем если бы он хихикал с ней вместе.

Я уставилась в учебник. Рисовала бессмысленные закорючки в приложении на планшете — просто чтобы не слышать, как она заливается фальшивым смехом.

«Скоро каникулы», — повторяла я себе. — «Скоро я отдохну. Без Марсея. Без всех этих идиотов. Без глупостей и злобы.»

— Кстати, — сказала Милка на перемене, когда мы с ней, как обычно, прятались в нашем месте за углом школы. — Я тут, между прочим, в чате вычитала.

— Что ещё? — спросила я без особого энтузиазма. У меня был бутерброд с сыром, но он сегодня казался сухим и

безвкусным, как бумага.

— Про него. — Мила подмигнула. — Вериса твоего.

— Не моего. — Я буркнула это автоматически, хотя сердце почему-то забилося быстрее. — И что ты там разведала?

— Что он уезжает. На все каникулы. К бабушке в столицу. Ну, или к дедушке. Не суть. Главное — его не будет в городе.

Мир, кажется, стал чуть ярче. Или это просто солнце, наконец, вынырнуло из-за туч? Тёплое, почти весеннее, оно легло на щёки, заиграло бликами на стёклах окон. Я прикрыла глаза на секунду. Ммм А что это за сыр такой? Солонватый, мягкий, с едва уловимой ореховой ноткой. Надо будет маме сказать, чтобы всегда брала именно этот, ну очень вкусно.

— Правда? — Я не могла скрыть улыбку. — То есть, прям вот насовсем? Уедет?

— Ага. Представляешь? Ну, не насовсем. Только на весенние каникулы. Но ты только представь: целая неделя без Вериса!

Я вздохнула глубоко, аж плечи расслабились.

— Это будут лучшие каникулы в моей жизни.

— Главное, — добавила Милка, жуя жвачку и щурясь на солнце, — чтоб ты за эти дни не забыла, как его ненавидишь.

— Об этом можешь не волноваться. Свою ненависть к Марселю Верису я не забуду и через тыщу лет, — фыркнула я.

Но я солгала. Потому что, стоило мне заснуть, как во сне

ПОЯВЛЯЛСЯ ОН.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.